

Следующий день, время около десяти утра.

Се Шигуань сегодня встал поздно. Шэнь Цюэ прождал его под карнизом несколько часов и лишь теперь наконец увидел, как из покоев вышла служанка — та самая корейнка Юаньхуа, появившаяся в доме на днях.

Похоже, она до сих пор помнила недавний конфуз, поэтому не смела даже поднять глаз. Её густые ресницы подрагивали, опускаясь вниз и обнажая изящный контур глазниц.

— Приветствую вас, господин, — промолвила она. — Ваше Высочество только что поднялся, он ждет вас, чтобы вы помогли ему причесаться.

На лице Шэнь Цюэ промелькнуло удивление, но расспрашивать он не стал. Боясь заставить хозяина ждать, он поспешил внутрь.

В курильнице почти догорели благовония, в воздухе висел лишь легкий, едва уловимый аромат. Шэнь Цюэ не был искушен в ароматах и мог различать их лишь по силе запаха, не в силах определить состав. Однако он состоял на службе у Янь-вана уже больше десяти лет и привык к тем благовониям, которыми тот пользовался ежедневно. Принюхавшись, он уловил нечто новое. Видимо, к сандалу, который Се Шигуань воскуривал перед сном, было добавлено что-то еще, но что именно — Шэнь Цюэ понять не мог.

Миновав ширму, он вошел в личные покои. На туалетном столике стояло зеркало в золотой оправе с узором из диковинных зверей и птиц. В нем отражался Ванье — еще не проснувшийся, он лениво зевал.

В прошлый раз одна из служанок случайно сказала лишнее и наступила Се Шигуаню на большую мозоль. Он тогда не разгневался, продолжая улыбаться, как ни в чем не бывало. Но остальные девушки, видя это, прониклись таким страхом, что с тех пор научились следить за каждым своим словом, обдумывая фразу по десять раз, прежде чем открыть рот.

Когда Юаньхуа заговорила, стоявшая рядом прислуга тихонько захихикала, прикрывая рты. Но сегодня у Ванье было отличное настроение, и он лишь махнул рукой, отпуская служанку в сторону.

Се Шигуань всегда улыбался — и когда был в духе, и когда был не в духе. Поди разбери, где его истинные мысли, а где лишь шутка.

Ванье повернулся к другой служанке и велел ей передать Шэнь Цюэ только что разогретую грелку для рук.

— Возьми, согрейся. Впредь жди в боковой зале, незачем стоять под карнизом.

Шэнь Цюэ не решался принять грелку. Чехол был сшит из облачного парчового шелка — вещь, пожалованная самим Святейшим. Даже сейчас, когда его вычеркнули из списков рабов, он оставался лишь чиновником шестого ранга при Военном ведомстве, и такая роскошь была ему не по чину.

Он медлил, и тогда одна из дерзких служанок решительно вложила грелку ему в руки:

— Берите же, господин! С такими ледяными руками вы еще заморозите волосы нашего Вашего Высочества!

Услышав этот язвительный тон, Се Шигуань, вопреки ожиданиям, не рассердился, а лишь насмешливо бросил:

— Ты в последнее время стала слишком смелой. Надумала подшутить над хозяином? Смотри, прикажу вырезать тебе язык и подать на обед вместе со свиным языком, будет твоим сестрам закуска.

Служанка испугалась и поспешила молить о прощении:

— Ваше Высочество, это я спросонья сболтнула лишнего! Да если бы мне дали десять тысяч жизней, я бы не посмела потешаться над вами!

Однако в ту же ночь двое слуг из Управления наказаний ворвались в дом, девушку без лишнего шума вытащили из комнаты, вырвали ей язык и тут же отправили в дальнее поместье.

Окружавшие Се Шигуаня служанки были как на подбор красавицами, но стоило Шэнь Цюэ взглянуть в медное зеркало на свое отражение — узкие миндалевидные глаза, крошечная родинка у переносицы, — как все эти красавицы вмиг меркли.

Се Шигуань, по-видимому, тоже увидел его в зеркале. Он медленно обернулся и посмотрел на него холодным, безразличным взглядом.

— Почему ты такой холодный? — спросил он.

— На улице очень холодно, — тихо ответила Юаньхуа, державшая поднос. — Господин простоял под карнизом несколько часов, одет он легко. Когда я позвала его войти, он выглядел таким застывшим, что я побоялась, не обморозился ли он вовсе.

Се Шигуань заметил это, протянул руку и слегка коснулся тыльной стороны ладони Шэнь Цюэ. Кожа была ледяной, словно камень.

Служанки, долго знавшие нрав Ванье, видели, что сегодня он в прекрасном расположении

духа, весь его вид был расслабленным, поэтому они и осмеливались на шутки. Се Шигуань всегда был снисходителен к своим девушкам и, слыша их смех, не делал замечаний.

Шэнь Цюэ поспешно подошел, чтобы взять гребень, но от долгого стояния на холоде его руки онемели, пальцы дрожали и плохо слушались. К тому же Ваше Высочество обычно не обращал на него особого внимания, и эта редкая теплота сбивала с толку.

Се Шигуань внимательно разглядывал Шэнь Цюэ. Сегодня на нем был чиновничий халат темно-зеленого цвета с золотым карпом, перепрыгивающим через Врата Дракона, кожаный пояс, на котором висел кривой нож и табличка из черного сандалового дерева с бамбуково-зеленой кисточкой. Прямая осанка и узкий пояс подчеркивали его стройную фигуру.

В конце концов взгляд Се Шигуаня упал на губы Шэнь Цюэ. Они были слегка сжаты, с мягкими, округлыми линиями, напоминающими изображение богини Гуаньинь на лotosовом троне или отражение гор в глади озера.

Но на этих прекрасных губах виднелась трещинка, темная капля крови и припухлость. Ванье прекрасно знал, чьих это рук дело, но решил притвориться незнающим. Он указал на уголок рта и усмехнулся:

— Внутренний жар разыгрался?

Шэнь Цюэ поспешно коснулся губ, опустив голову:

— Должно быть, ночью в жаровне было слишком жарко, вот и простудился.

Видя, как Шэнь Цюэ с самым серьезным видом лжет, как суетятся его руки и как он сам теряется, Се Шигуань почувствовал, что настроение стало еще лучше. Он откинулся на спинку кресла, рассмеялся и распорядился:

— Юаньхуа, вели кухне после обеда сварить побольше отвара из груши, отнеси А Цюэ, пусть лечит свой жар.

Шэнь Цюэ почувствовал неловкость, лицо его слегка порозовело.

Он невольно вспомнил прошлую ночь... Тот человек... заставил его использовать руки, а потом, решив, что он слишком неуклюж, пригрозил: выбирай, мол, либо рот, либо то, что сзади.

Он не решался ответить, и тогда тот заставил его встать на колени, схватил за волосы...

Позже, не заботясь о том, вынесет ли он это, тот человек лишь распалялся, слыша его приглушенные стоны.

В конце концов простыни на кровати сбились в ком, нижнее белье Шэнь Цюэ было испачкано, и тот человек вытерся его же верхней одеждой, которую сорвал с него.

Шэнь Цюэ впервые в жизни испытал такое унижение. Прижавшись к краю кровати и закрыв рот руками, он чувствовал лишь обиду, растерянность и ненависть.

Он видел, как тот человек, удовлетворенный, откинулся на подушки, а затем, повернувшись, небрежно сорвал с изголовья его амулет.

— Это тот самый охранный талисман, что ты вымолил в Храме Десяти тысяч Будд? — лениво глядя на маленький мешочек, спросил он. — Почему не отдал его Шэнь Ло?

Шэнь Цюэ, закрывая рот, промолчал.

Линь Се приподнялся, пододвинулся ближе и, не брезгуя, поцеловал его в разбитый уголок рта, бесстыдно облизав ранку.

— Я же только что сказал, ты уже забыл? — Линь Се, выплеснув энергию, был в добром расположении духа, и голос его звучал мягко. — Не смей воротить от меня нос, понял?

— К тому же, — добавил он с невозмутимым видом, — раз твой рот не может говорить, значит, должен найти себе другое применение, верно?

Шэнь Цюэ наконец поднял голову и бросил на него яростный взгляд.

Линь Се рассмеялся:

— Я же сказал, не смей так смотреть на меня. Еще один взгляд — и я повторю всё снова. Завтра твой рот не то что говорить, есть не сможет, веришь?

Шэнь Цюэ, конечно, верил. Верил безоговорочно, поэтому опустил глаза и проглотил свою боль.

— Ты такой послушный, — Линь Се был доволен. Он потрепал его по черным волосам, немного помолчал и снова спросил: — О чем я тебя спрашивал?

Шэнь Цюэ медленно поднял руку и безжизненно показал жестами: «Этот амулет был для другого человека, но он запачкан кровью...»

Отдавать его было уже нельзя.

— Для другого? Кто этот другой? — Линь Се продолжал давить. — У тебя, кроме меня, есть кто-то еще?

Шэнь Цюэ промолчал. Линь Се толкнул его, и он снова поднял руку:

— В твоей голове одни грязные мысли, мне не о чем с тобой говорить.

Как бы тот ни допытывался, Шэнь Цюэ больше не проронил ни слова. Лишь когда вопросы окончательно вывели его из себя, он указал на себя: «Для себя просил, доволен?»

Линь Се не поверил. Только что говорил, что для другого, а теперь, когда он прижал его, вдруг стало для себя.

— Раз не хочешь говорить, — Линь Се сунул амулет за пояс, — буду считать, что ты вымолил его для меня.

Сказав это, он, не дожидаясь согласия Шэнь Цюэ, развернулся и ушел, прихватив амулет с собой.

Сделав пару шагов, он обернулся и тихо добавил:

— Через несколько дней, когда буду свободен, приду снова. Ночью дверь не запирайте.

Шэнь Цюэ не собирался его слушать. Как только тот ушел, он босиком побежал к двери, задвинул засов и придвинул два деревянных стула, намертво перегородив вход.

<http://bllate.org/book/19999/1972168>